

**Отзыв официального оппонента Щепкина Василия Владимировича
на диссертацию Мищенко Марии Сергеевны
«Японская историография культуры Кофун (конец XIX – начало
XXI вв.)», представленную на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности 5.6.5 – историография,
источниковедение, методы исторического исследования**

Период Кофун (III–VII вв.), названный по одноимённой археологической культуре, является важнейшей эпохой в истории Японии, когда формировалась не только японская государственность, но фактически и сам японский народ, и японский язык, и японская культура. Несмотря на это, в российском японоведении этому периоду долгое время уделялось непропорционально мало внимания. По большому счёту, отечественные исследования периода Кофун ограничиваются одной фундаментальной монографией М. В. Воробьёва «Япония в III–VII вв.: этнос, общество, культура и окружающий мир» 1980 года издания, небольшим очерком в монографии А. Н. Мещерякова и М. В. Грачева «История древней Японии», статьями и монографией Д. А. Суровеня, а также диссертацией И. С. Гнездиловой. В то же время такая ситуация в целом понятна: письменных источников по истории Японии III–VII вв. чрезвычайно мало — фактически все они переведены на русский язык и введены в научный оборот, — а потому исследования этого периода всегда в значительной степени опирались на археологический материал. По этой причине именно японские историки и археологи всегда находились в привилегированном положении по сравнению со своими российскими и западными коллегами, имея возможность непосредственно работать с древними курганами — основным источником археологической информации об эпохе Кофун. В такой ситуации крайне важно иметь представление о том, как в Японии накапливались знания о периоде Кофун, как формировалась его

историография. В этом смысле диссертация М. С. Мищенко, объектом которой стали основные тенденции развития японской исторической науки, занимающейся изучением культуры Кофун, в конце XIX – начале XXI вв., представляется чрезвычайно актуальной, при том что не только в российской, но и в японской науке отсутствуют хоть сколько-нибудь полные обзоры историографии этой эпохи. Тема диссертации при этом бесспорно соответствует заявленной научной специальности.

Автор поставила перед собой цель «выявить ключевые особенности процесса становления и развития японской историографии культуры Кофун». В соответствии с поставленными задачами работа была подразделена на три главы, каждая из которых в свою очередь состоит из трёх параграфов, а также содержит введение, заключение, список использованных источников и литературы, глоссарий, а также приложения. В первой главе даётся общий очерк истории Японии в период Кофун, а также её отражения в японских, китайских и корейских письменных источниках. Во второй главе последовательно рассматриваются истоки исторических исследований культуры Кофун в периоды Эдо (1603–1867) и Мэйдзи (1868–1912), становление японской школы исторических исследований культуры Кофун в 1900–1920-е гг., а также её развитие в предвоенные десятилетия. В третьей главе повествуется о послевоенной историографии культуры Кофун, при этом автор подразделяет её на три этапа: активизации изучения в 1950–1960-е гг., связанной со снятием ряда идеологических запретов, систематизации и обобщения знаний в 1970–1990-е гг. и современного состояния (2000–2020-е гг.). Выбранная структура работы отражает логику исследования и обладает внутренним единством.

Работа опирается на широкий круг источников и литературы. По сути автор осветила в своей диссертации и российскую, и западную историографию изучения культуры Кофун, а не только японскую, хотя, конечно, главный фокус был направлен именно на неё. В списке использованных источников и

литературы значатся 120 монографий и 70 статей на японском языке, что говорит о едва ли не исчерпывающем рассмотрении вопроса, а общее число использованных ресурсов — 360. Все ссылки на использованные источники и труды предшественников проставлены в тексте корректно. Общая методология и избранная методика исследования абсолютно адекватны теме диссертации.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что за 150-летнюю историю историографии культуры Кофун на пути японских исследователей постоянно возникали преграды и проблемы, такие как отсутствие выработанной методологии, идеологическое давление, необходимость работы в условиях экономического и строительного бума, но несмотря на это они сумели сформировать комплексный взгляд на культуру Кофун и её роль в формировании первого японского государства и на каждый отдельный аспект данной культуры и региональную специфику её развития. Таким образом, выводы работы и вынесенные на защиту положения являются обоснованными, достоверными, и обладают бесспорной научной новизной, а также полностью соответствуют поставленным задачам и цели исследования.

Тем не менее, работа не лишена, на наш взгляд, некоторых недостатков. Так, говоря об актуальности изучения культуры Кофун, автор сосредотачивает внимание на её значимости исключительно для истории Японии, в то время как, на наш взгляд, не стоит упускать из виду и тесную связь этой археологической культуры с похожими культурами Евразии — Китая и Великой степи, а потому актуальность её изучения выходит далеко за пределы Японского архипелага.

Некоторые задачи исследования, как нам кажется, сформулированы чересчур узко и конкретно, как будто результат исследования уже известен. Так, третья задача звучит как «рассмотреть прогресс японской исторической науки по части изучения культуры Кофун в первой трети XX в.», а в четвертой задаче говорится о роли конкретного учёного — Кобаяси Юкио, хотя сделать

вывод о значимости того или иного историка можно лишь после изучения историографии, но не на этапе постановки задач.

Некоторые термины, регулярно используемые в работе, следовало четко оговорить во введении или при первом упоминании. Так, во введении не хватает точного терминологического различия понятий «период Кофун», «культура Кофун», «период Ямато». То же самое касается термина «император»: если автор имеет под ним в виду японский титул «тэнно», то он стал использоваться только с конца VII в., а до того в ходу было слово «оокими». Возможно, стоило использовать более нейтральное «государь» или «правитель».

Некоторые формулировки в работе носят характер анахронизмов. Так, на с. 69 со ссылкой на текст древнекитайской хроники «Суйшу» говорится о «маньчжурских владениях Синьло и Бо-цзи», хотя этноним «маньчжуры» появился лишь в первой половине XVII в. Если же имелась в виду территория современной Маньчжурии, то это следовало оговорить. На с. 29 в контексте событий VI–VII вв. говорится об императоре Японии как «символе национального единства», хотя такая формулировка относит скорее к тексту конституции Японии 1947 года, ведь до второй половины XIX в. мы едва ли можем говорить о нации и национальном единстве применительно к Японии.

К сожалению, некоторые японские названия книг и статей оставлены в тексте работы без перевода на русский язык: на с. 74 говорится о работе Ооганэ Сигэсада «Юдзуками-мура курума-дзука осю:ри», а на с. 92 о работе Сираиси Таитиро «Кофун дзидай-но кэнкю:». На с. 41 автор, к сожалению, повторяет распространенную ошибку, приписывая суждения о происхождении культуры Кофун из учебника «История Японии» А. Е. Жукову, который был редактором, но не автором этого учебника, а соответствующий раздел был написан А. Н. Мещеряковым.

Несколько неточным выглядит утверждение на с. 34 о том, что «Ямато как государственное образование было основано на территориальном

принципе, а не племенном этническом, как это было прежде». Автор не уточняет, о каком именно времени идёт речь: если о VII в., то утверждение справедливо, а если о более раннем времени — то едва ли.

Наконец, заметно некоторое влияние европоцентризма в следующем суждении на с. 78: «в закрытой от воздействий внешнего мира ещё с XVII в. Японии были предпосылки для формирования исторической школы по изучению курганной культуры, но не было возможностей для подготовки специалистов в области истории и археологии, так как не было ни университетов, ни учёных, обладающих знаниями о научной методологии в данных областях». Нужно заметить, что и в Европе формирование истории, археологии и антропологии как научных дисциплин относится лишь к середине — второй половине XIX в., то есть оно шло практически одновременно с проникновением европейской научной методологии в Японию и началом изучения курганов. В этом смысле деятельность Ооганэ Сигэсада предвосхитила деятельность и интересы позднейших археологов, а потому заслуживает большего внимания.

Как бы то ни было, несмотря на озвученные замечания, представленное к защите диссертационное исследование является существенным вкладом автора в изучение японской историографии культуры Кофун, а его результаты имеют большое значение для науки и практики. Работа написана хорошим научным языком, изложение ясно, логично, последовательно и аргументированно. Автор бесспорно демонстрирует высокий уровень подготовки, научный потенциал, способность к самостоятельным исследованиям и умение структурированно и содержательно формулировать выводы. Научные положения и выводы диссертации обоснованы, достоверны и обладают бесспорной научной новизной. Основные научные результаты диссертации соискателя опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, внесенных в Перечень журналов и изданий, утвержденных ВАК, и в достаточной полноте отражают содержание работы.

Автореферат также полностью соответствует содержанию диссертации. Как диссертация, так и автореферат соответствуют требованиям пп. 9–14 Положения «О Порядке присуждения ученых степеней».

Основываясь на всём вышесказанном, считаю, что М. С. Мищенкова как автор представленного диссертационного исследования смогла решить конкретную научную задачу по описанию японской историографии культуры Кофун, выявлению её основных тенденций и внутренних закономерностей, и сделала это впервые в российской науке. Представленная к защите диссертация М. С. Мищенкова написана ей самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Исходя из этого М. С. Мищенкова, безусловно, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук.

Официальный оппонент:

Кандидат исторических наук (07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования),

старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока

Федерального государственного бюджетного учреждения науки

Института восточных рукописей Российской академии наук

Щепкин Василий Владимирович _____

Рабочий адрес: 191086 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

E-mail: vshepkin@gmail.com.

Тел.: 89112273499.

14.06.2023 г.

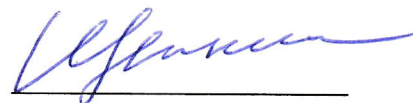
Автореферат также полностью соответствует содержанию диссертации. Как диссертация, так и автореферат соответствуют требованиям пп. 9–14 Положения «О Порядке присуждения ученых степеней».

Основываясь на всём вышесказанном, считаю, что М. С. Мищенкова как автор представленного диссертационного исследования смогла решить конкретную научную задачу по описанию японской историографии культуры Кофун, выявлению её основных тенденций и внутренних закономерностей, и сделала это впервые в российской науке. Представленная к защите диссертация М. С. Мищенковой написана ей самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Исходя из этого М. С. Мищенкова, безусловно, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук.

Официальный оппонент:

Кандидат исторических наук (07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования),
старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института восточных рукописей Российской академии наук

Щепкин Василий Владимирович

Рабочий адрес: 191086 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

E-mail: vshepkin@gmail.com.

Тел.: 89112273499.

14.06.2023 г.

Подпись *В.В. Щепкин*
УДОСТОВЕРЯЮ:
ПЕМОДНИК
6
14.06.2023

